

«Временник Пушкинской комиссии, вып. II. Изд. Академии наук СССР.

М. — Л. 1936 г.

Второй выпуск Временника Пушкинской комиссии в целом составлен удачней первого и является более значительным вкладом в пушкиноведение. Не все, разумеется, помещенное в нем представляет одинаковую ценность.

Первый раздел — «Новые тексты Пушкина» — не располагает материалами первостепенной важности. Самые интересные из них:

1. Поправки Пушкина к тексту «Евгения Онегина» (к главам 1—6 в. их первых изданиях) на недавно обнаруженном экземпляре романа. Кое-какие из этих поправок до сих пор оставались неизвестными.

2. Эпиграмма на графа Хвостова, приписывавшаяся П. А. Вяземскому. Принадлежность ее Пушкину вполне убедительно доказана.

Наибольшую ценность имеет второй раздел Временника — «Исследований и статьи».

А. Слонимский в статье «Пушкин и комедия 1815—1820 гг.», привлекающая обширный и мало освещенный в нашей науке комедийный материал начала XIX века, доказывает «связанность набросков нерожденной пушкинской комедии (1821 г.) с широко распространенной и продуктивной новыми общественными веяниями темой «умника» и «либералиста». Правильно указывая на то, что отношение Пушкина к этому «умнику» не укладывалось в рамки традиционной «светской» комедии, А. Слонимский, к сожалению, проходит мимо вопроса о том, насколько самый факт снижения образа «либералиста» закономерен для пушкинского творчества этой поры. Думается, что в комедийном образе светского человека, презрительно критикующего светский круг, любителя «свободы», способного проиграть в карты своего дядьку-крепостного, впервые отразились в малоподходящей и потому отброшенной форме те тяжелые и по существу трагические для Пушкина сомнения в социальной и этической ценности современного ему свободолобия, которые очень скоро проявились и в суровой оценке Алеко («ты для себя лишь хочешь воли»), и в сложном образе Евгения Онегина.

М. Аронсон в статье «Конрад Валленрод» и «Полтава» доказывает, что Пушкин в «Полтаве» осуждает идею «валленродизма». Доводы М. Аронсона не лишены убедительности. Однако совершенно неудачна его попытка истолковать «Полтаву» как выражение «самых прогрессивных» общественных тенденций пушкинского времени. Несомненно, прогрессивность Пушкина сказывается даже и в «Полтаве», в тех явно утопических надеждах, которые он возлагает на самодержавие, но выражена она много слабей, чем в ряде других пушкинских произведений того же времени. Не трудно видеть, что в «Полтаве» осужден мятеж против самодержавной государственности вообще. Нет никаких оснований отрицать, что «Полтава», так же как и «Стансы», как и ряд других произведений конца 20-х и начала 30-х гг., несут в себе иска-

ние компромисса с самодержавием, компромисса, который никак не мог оказаться устойчивым, так как обе стороны предъявляли друг к другу невыполнимые требования.

Статья Ю. Тынянова, анализирующая стилевую манеру «Путешествия в Арзрум», удачно вскрывает сказавшуюся в ней оппозиционную и ироническую оценку Пушкиным методов ведения русско-турецкой войны и русского военного командования.

Статья В. Виноградова («Стиль «Пиковой дамы»), привлекая большой литературный материал и проделавшего кропотливую и тщательную работу, многое теряет от того, что стилевые наблюдения автора слишком часто остаются разрозненными, недоведенными до установления общих стилевых принципов и почти никогда не восходят к идеологической направленности произведения. Недоумение вызывают первые три главы, дающие, может быть, и очень полезные сведения насчет правил карточной игры и их нарушений, но ровно ничего не разъясняющие в стиле «Пиковой дамы».

Статья Л. Гинзбурга «Бенедиктов и Пушкин» привлекает интересный и свежий материал к вопросу о недооценке Пушкина критикой и публикой 30-х гг. и о шумном успехе Бенедиктова, часто в эти годы предпочитаемого Пушкину.

Но решение вопроса представляется во многом ошибочным. Л. Гинзбург главную причину видит в упадке дворянской поэзии, в превращении ее в скучные эпигонские штампы, заслонившие от публики подлинную ценность пушкинского творчества. Именно на фоне этих штампов, по мнению Л. Гинзбург, казалась свежей и новой эклектическая манера Бенедиктова, нашедшего эстетическое выражение для идеалов и чаяний реакционно-мещанских слоев. Думается, что дело обстоит много сложнее. Рано для 30-х гг. — эпохи Пушкина, Лермонтова, Гютчева — говорить об упадке дворянской поэзии, о сплошном ее эпигонстве. Кроме того, охлаждение относилось не только к эпигонам Пушкина, а прежде всего и острее всего к самому Пушкину. Вдобавок это охлаждение имело место не только в мещанско-буржуазных слоях, выдвигавших свою, антидворянскую эстетику, но, о чем Л. Гинзбург и не умалчивает, и в среде самой дворянской публики и ее литературных представителей. И распространяется оно не только на Пушкина, творца элегий образца 20-х гг., как полагает автор статьи, но и на Пушкина «Евгения Онегина» и ряда других значительнейших произведений. Дело, можно полагать, заключалось прежде всего в том, что пушкинские эстетические принципы в 30-х годах не удовлетворяли ни поправшую в большинстве своем культурную дворянскую публику, ни новые буржуазно-мещанские общественные слои.

Пушкинское требование «нагой простоты», отражавшее своеобразное сочетание его прогрессивных и «аристократических» тенденций, требование, равно заостренное и против дворянской реакции и против мещанско-буржуазного, «семинаристского» засилья в литературе, явно не удовлетворяло оба упомянутых лагеря. Пушкинский реализм, его сдержанная и строгая простота в изображении подлинного лица жизни отпугивали, не говоря уж о дворянско-обывательской массе, даже людей типа Вяземского, Языкова, Шевырева, изменивших прежнему либерализму, боявшихся жизненной правды, искавших романтической идеализации мира. Стоит вспомнить языковскую оценку «Евгения Онегина», как «рифмованной прозы». Буржуазно-мещанские слои враждебно относились в большинстве случаев и к прогрессивным и к аристократическим тенденциям пушкинской благородной простоты, противопоставленной мещанской романтической напыщенности, прикрашивающей убожество социального и духовного облика русской

буржуазии. Таким образом, дешевый романтизм Бенедиктова, его эстетизация обывательской ограниченности и пошлости пришли к нам как нельзя более по вкусам реакционно-мещанским читательским слоям.

Интересная статья Г. Глебова «Философия природы в высказываниях Пушкина» много выиграла бы, если бы автор ее постарался связать взгляды Пушкина на природу с общей системой пушкинского мировоззрения. Это облегчило бы объяснение взглядов Пушкина на природу и дало бы возможность автору не ограничиться одной только их констатацией.

И. Розанов в статье «Ранние подражания Евг. Онегину», оперируя почти не освещенным в нашей литературной науке материалом, делает первые и очень полезные попытки изучить литературное окружение «Евгения Онегина», его резонанс в русской художественной литературе. Статья М. Рафили «Пушкин и Мирза Фатали Ахундов» только подводит к серьезному вопросу о значении Пушкина в развитии литератур народов Союза, но даже не замечает способов его постановки и разрешения. Статья дает краткие сведения о крупнейшем поэте Азербайджана и приводит текст его выдающейся поэмы «На смерть Пушкина».

Раздел «Материалы и сообщения» включает ряд материалов, имеющих несомненное значение для изучения жизни и творчества Пушкина. (Особенно стоит отметить сообщение Казанского о встрече Пушкина с английским капитаном Брэнклендом, оставившим в своем дневнике запись о разговоре с поэтом.) Но наряду с сообщениями такого рода имеются и сообщения, неспособные обогатить наши знания о Пушкине и вообще неизвестно зачем попавшие в сборник. К ним относится значительная часть сведений, приводимых Л. Гроссманом в сообщении «Документы, о Геккернах».

Что пояснит нам в судьбе Пушкина выписка из метрической книги с бракосочетания Е. Гончаровой и Дантеса, метрические свидетельства их дочери и сына, метрическая выписка о смерти Ек. Дантес? Мало интересно для нас и переживания г-жи Дантес, а тон, в котором о ней идет речь, просто вызывает возмущение: «В сущности простая случайность спасла ее счастье, готовое вдребезги разбиться от выстрела Пушкина». Этот тон, может быть, и уместен в «великосветском» и столь же пошлом «произведении» типа «Записок д'Аршиака», но на страницах советского научного издания ему совсем не место.

В разделе «Трибуна» С. Гессен с достаточной убедительностью доказывает несостоятельность утверждений, что Пушкин накануне декабрьских событий был вызван Путиным в Петербург для участия в восстании. «Трибуна», конечно, много выиграла бы, если бы не была занята С. Гессеном единолично.

Рецензии и обзоры в большинстве своем обстоятельны и содержательны. Особенно стоит отметить спорную, но очень интересную рецензию Л. Гинзбург, посвященную нескольким статьям о пушкинском реализме.

Литературная **УЧЕБА**

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОРГАН СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ**

СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

2

сентябрь 1951

С